

И. Н. Белобородова
**СТЕРЕОТИПНЫЕ ФОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ СЕВЕРНОРУССКОГО
КРЕСТЬЯНСТВА В ТРАДИЦИОННОМ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИИ
(конец XIX — начало XX в.)**

Под традиционным природопользованием в отечественной науке обычно понимается система эксплуатации природных ресурсов, созданная местным населением, эволюционно приспособленная к местным ресурсным условиям и передающая из поколения в поколение традиционные приемы и формы ведения хозяйства. Однако, как представляется, подобная трактовка термина значительно сужает поле исследования проблемы. Под традиционным природопользованием в этнографической постановке вопроса можно понимать систему элементов традиционно-бытовой культуры, которые обладают этнодифференцирующими признаками и служат индикаторами включения этноса в ландшафтную среду (объективированные формы культуры), а также особенности символического мира и ценностные ориентации носителей локальных (территориальных) культурных традиций в освоении пространственно-временного континуума, выраженные в самосознании этих групп.

Традиционное природопользование на Русском Севере носило комплексный характер. Его основу составляли земледелие, скотоводство, рыболовство, охота, лесные, морские, отхожие и кустарные промыслы. Как справедливо заметил А. Е. Финченко, «преобладание одного или нескольких из этих направлений хозяйственной деятельности у отдельной группы населения или ее части (от волости до хутора) зависело от ряда причин: от природных и социально-экономических условий до этнокультурной традиции, нередко выраженной в определенной хозяйственной специализации».¹ Таким образом, можно предположить, что различное сочетание видов традиционной хозяйственной деятельности соответствовало отдельным ареалам (социально-территори-

¹ Финченко А. Е. Традиционная хозяйственная деятельность кокшаров, устьян и ваганов в конце XIX — первой трети XX в. Общие черты и некоторые локальные особенности // Русский Север: Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 38.

Белобородова Ирина Николаевна — к.и.н., доцент кафедры истории и мировой политики, Северо-Западная академия государственной службы (г. Санкт-Петербург)
E-mail: bin2000@mail.ru

альным локусам), которые можно обозначить как «локальные» традиции. Эти традиции имели различный таксономический уровень, что определялось как объективными условиями существования той или иной группы (природно-ресурсный потенциал и др.), так и субъективными факторами (самоидентификация, мировоззренческие позиции и т. д.). Так, например, авторы «Справочной книжки Архангельской губернии» на 1870 г. отмечают: «Русское население Архангельской губернии отличается сравнительно большим развитием в умственном отношении, чем в других губерниях Империи... Этому способствовала особенность экономических условий, в которые поставлено население здешней губернии. Особенность же их зависела, во-первых, от отсутствия крепостного права, а во-вторых, от климата и свойств почвы, не позволявших здешнему крестьянину заниматься исключительно земледельческим трудом, а принуждавших его обратиться к чрезвычайно богатым звериным и рыбным промыслам, сопряженным с большими опасностями. Все это должно было развить в здешнем крестьянине предприимчивость, сметливость и смелость».²

В исследованиях, посвященных традиционному природопользованию русских в целом и европейского Севера в частности, стереотипные формы поведения изучались преимущественно в рамках «трудовых/хозяйственных традиций».³ И. В. Власова в своем фундаментальном труде «Русский Север», касаясь этих сюжетов, ставит их развитие в зависимость от «этнических различий населения», направлений колонизационных потоков и от интенсивности этнических контактов.⁴

Реконструкция стереотипных форм поведения в хозяйственной деятельности сопряжена с известными трудностями, поскольку этнические стереотипы не полностью отражаются

² Справочная книжка Архангельской губернии на 1870 г. Архангельск, 1870. С. 66, 67.

³ См., например: Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. 274 с.; Она же. Мир русской деревни. М., 1991. 269 с.

⁴ См.: Власова И. В. Русский Север. Этническая история и народная культура. XII–XX века. М., 2001. С. 124–129.

сознанием и, как правило, не вербализуются. Еще одной проблемой в изучении стереотипных форм конца XIX — начала XX в. является вторичный характер источников (путевые очерки, «заметки», сообщения с мест сельской интеллигенции и т. п.) и, в связи с этим, субъективизм представленных в них данных.

Зависимость стереотипов поведения от особенностей хозяйственной деятельности, как на групповом, так и на индивидуальном уровнях, в целом выражается двумя аспектами: 1) социокультурной идентичностью, характеризующей индивида с точки зрения его принадлежности к какой-либо социальной общности, или группе (половой, возрастной, экономической, профессиональной), и формирующихся на этой основе социальных норм и стереотипов поведения; 2) мировоззренческими позициями группы. Данная статья будет посвящена первому аспекту.

Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет говорить о том, что в России в изучаемый период стереотипы трудового поведения, особенно в земледельческих ареалах, носили уже общерусский характер. Они выражались в основном в распределении социальных ролей, в морально-этических нормах отношения к трудовой деятельности и ее результатам (трудолюбие, взаимопомощь, отношение к собственности и пр.), а также в апелляции к сакральным ценностям (божба, ритуализированные формы поведения). Так, например, на Онеге «трудящийся на поле крестьянин непременно услышит от прохожего: “Божья помощь!” и в свою очередь отвечает: “Нат (т. е. нужна) Божья помощь!”».⁵

Существовал целый ряд присловий-ответствий, каждое из которых употреблялось для определенного вида работ. Например, «спорина в квашню» желали хозяйке, стряпающей хлеб; «столокоть на пришивицу» — ткачихе; «шелк на руки» — женщинам, чистящим лен; «бело, бог на помочь» — во время стирки; «сто пас на мотовило» — во время перемотки ниток; «у хозяйюшки ручки белы» — если хозяйка печет блины; «пахтус с кобылью голову» — когда сбивают сметану и пр.⁶

Эти стереотипные формулы-пожелания, возможно, были связаны с тайным (сакральным) знанием (в данном случае — женским). Исследователями зафиксирован также ряд

ритуализированных стереотипов женского трудового поведения. Например, «хозяйка, идучи из хлева с подойником, ни с кем не здороваётся, пока не положит его» (Мезенский уезд Архангельской губернии, 1852 г.).⁷ То же, вероятно, относится и к сфере мужских занятий, таких, например, как охота и рыболовство, где специальными навыками должен был обладать каждый, кто хоть в какой-то мере занимался этими промыслами (речь не идет о специалистах, живших исключительно за счет промыслового труда: пастухах, охотниках, кузнецах и пр.). Так, по данным 1898 г. из Есютинской волости Вельского уезда, любители-рыболовы должны были соблюдать ряд правил, якобы способствовавших удачному лову. Например, собираясь на рыбалку, нельзя было перешагивать через удилище. А когда рыболов брал его в руки, то приговаривал: «Удилище — уда, наловить бы мне с полпуда». «Придя на речку, рыболов считает долгом присесть на берегу, прежде чем начать удить. Затем он наживляет крючок и плюет на него три раза, после чего, помочив предварительно вершинку удилища, закидывает, говоря: “Господи, благослови на такую-то рыбешку”. Говорить надо тихо, чтобы кто-нибудь не услышал и не сказал наоборот: “Черт, нанеси на колодину”. Выловив первую рыбешку, рыболов непременно помажет головой ее комель удилища. При этом если рыба заглотнула крючок, то можно надеяться на хорошую добычу... Никогда не “пукают” (не чистят) рыбы на реке, веря, что после этого не придется “пукать” дома».⁸

Стереотипы поведения, сформировавшиеся в промысловых ареалах, во многом были продиктованы спецификой данного типа природопользования и непосредственно связаны с локальными способами лова. Описывая традиционный для Кемского Поморья способ лова семги *поездованием* (с помощью сетки, натянутой между двумя карбасами), который требовал от *поездующих* большой сноровки «как для того, чтобы не пугать рыбу, так и для того, чтобы вовремя вытащить сетку и не выпустить попавшей туда семги», корреспондент газеты «Архангельск» особо отмечал, что, «ввиду необходимости постоянного напряженного внимания, у поездующих выработался обычай, требующий полного согласия меж-

⁵ Калинин И. Онежане // ИАОИРС. 1911. № 5. С. 380.

⁶ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 99. Л. 30–31.

⁷ АРГО. Р. 1. Оп. 1. № 11. Л. 20.

⁸ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 103. Л. 3–4.

ду членами артели (их обыкновенно бывает четверо). Нельзя ссориться в продолжение всего промыслового периода, нельзя утаивать друг от друга заработка, надо делиться пищей с теми, у кого из дома взята какая-либо скудная закуска. Несоблюдение этих правил грозит плохим уловом».⁹

Особую роль в генезисе стереотипов поведения играл «нрав» жителей каждого из микроареалов.¹⁰ Например, корреспондент «Русского вестника», зафиксировавший в 1876 г. два способа морского лова на Мурмане, связал их именно с особенностями «нрава» локальных групп *онежан* и *колян*.

Первые — люди смелые и отчаянные — производили лов в самом богатом рыбой, но и опасном для промысла месте Мурманского берега — в Вайда-губе — на *ярус*, установка которого требовала оставаться в открытом море в течение двух–трех и более часов, во время которых часто разыгрывались свирепые северные шторма. Однако храбрость *онежан*, помноженная на природную гордость (за что они и получили прозвище *бароны*), не позволяла им тут же возвращаться в становище. Они «никогда не уступят сразу, а непременно еще станут выбирать из воды ярус, какой бы шторм их ни застал, разве шляк уже начинает заплескивать волною, да и тут попробуют отливаться. Зато и платятся же они за свою храбрость» нередко ценой собственной жизни.¹¹ Показательно, что главным основанием приверженности русских поморов опасному способу мурманского лова явились соображения не столько экономического характера, сколько нравственного. «Наши поморы до того сроднились с опасностями, что не придадут им никакого значения при взвешивании выгод того или иного способа лова».¹²

Напротив, *коляне*, «характеристической чертой» которых путешественник считал осторожность, предпочитали менее опасный способ лова — не в открытом море, а в Мотовском заливе Рыбачьего полуострова. Интересно, что кольских промышленников не смущал значительно меньший, по сравнению с ловом в океа-

не, объем выловленной рыбы, что компенсировалось, в их понимании, снижением фактора риска при лове в заливе, тогда как лов в океане был сопряжен не только со значительными трудностями, но и с опасностью для жизни.¹³

Другим примером взаимосвязи локальных стереотипов поведения с особенностями природно-ресурсного потенциала микротерриторий и типами природопользования может служить описание *пустозер* (низовья р. Печоры), основу хозяйственного комплекса которых составляли рыбные промыслы, и их соседей — *устыцилем* (среднее течение р. Печоры), создавших относительно развитый животноводческо-земледельческий комплекс.¹⁴ Описывая их реакцию на приход торгового каравана *усольцев* — чердынских купцов,¹⁵ Н. Белдыцкий так фиксирует особенности поведения *устыцилем* — «честного», но «очень бедного народа»: «[для них] приход каравана — настоящий праздник. Почти целый год ждут они его с нетерпением... И в день прихода каравана все одеваются в лучшие одежды и являются к чердынцам за покупками. Шумно и весело тогда бывает на берегу. Нарядные бабы, девки поют, хохочут на заигрывания пришельцев. Парни зудят в только что приобретенные гармоника, а бойкие “усольчи” отмеривают, отвешивают, записывают».¹⁶

Совершенно иное поведение было свойственно *пустозерам* — народу «крайне ленивому» и «избалованному». Несмотря на то что они прекрасно осознавали, что «без чердынцев Пустозерский край должен погибнуть», тем не менее, они вели себя с *усольцами*, особенно зажиточные, «как бояре». «Привез чердынец пустозерскому кулаку товары, сложил их в его амбары и приглашает пожаловать к себе на баржу в каюту. Кулак ломается и заставляет несколько раз повторять приглашение. Является важно; подносят ему чай, ставят на стол десерт: пряники, орехи, сухари. Несколько раз должны поклониться ему, чтобы он “получил”. Между чаем подают на подносе рюмку водки. И сидит пустозер, и очень доволен, он уверен, что честь сделал чердынцу сво-

⁹ Здешний. Из промысловых обычаев. г. Кемь // Архангельск. 1909. № 283. С. 3.

¹⁰ См.: Белобородова И. Н. Региональная и локальная самоидентификация в севернорусской культурной традиции (к вопросу о формировании локальных групп) // Этнические стереотипы в меняющемся мире. М., 1998. С. 68–88.

¹¹ А. П. Рыбачий полуостров // Русский вестн. 1876. Кн. 9–10. Т. 25. С. 33.

¹² Там же. С. 35.

¹³ Там же. С. 48.

¹⁴ См.: Белдыцкий Н. В низовьях Печоры. (Из дорожного альбома) // ИАОИРС. 1911. № 5. С. 371.

¹⁵ Ключевую роль в жизнеобеспечении данного микроареала, в силу особенностей природно-ресурсного потенциала, играла торговля, которая давала местным жителям все необходимое: хлеб, одежду, рыболовные снасти, мануфактурный и бакалейный товар и пр.

¹⁶ Белдыцкий Н. Указ. соч. № 4. С. 271, 273.

им посещением».¹⁷ На самом же деле, потакая тщеславию пустозер, чердынцы «крепко держат пустозерский край в своих руках».¹⁸

Немаловажную роль в формировании стереотипов поведения в традиционном природопользовании играл половозрастной фактор. Анализ материала показывает, что в севернорусской деревне конца XIX — начала XX в. половая дифференциация имела четко выраженную локальность. Так, именно специфика женского труда часто служила индикатором при выделении ареальных групп. «Какова баба — такова и слава», — говорит онежская поговорка.¹⁹ Причина этого видится в половозрастном составе населения неземледельческих регионов, сложившемся в силу особенностей промыслового и отходнического типов природопользования, которые требовали значительного оттока взрослого мужского населения на промыслы.

Например, сезонное отсутствие взросло-го мужского населения в Поморье послужило причиной того, что местное самоуправление находилось преимущественно в ведении женщин. По свидетельству А. П. Энгельгардта, летом в Поморье «единственный мужчина — волостной староста, десятские же и старосты — бабы, наряженные в должностные знаки».²⁰ Аналогичные данные приводит и В. И. Немирович-Данченко: «Женщины... исправляют натуральную земскую повинность, например, ездят в качестве ямщиков по почтовому тракту, а прежде бывало весьма часто, что бойкая бабенка наряжалась вместо конвоя для препровождения трех или четырех арестантов, причем случаи побегов были весьма редки».²¹

Анализ материала показывает, что, в целом половозрастное разделение труда и распределение функций непосредственно зависело от типа природопользования. В земледельческо-промысловых районах (среднее течение и верховья рек) обязанности женщины были связаны преимущественно с домашними и сельскохозяйственными занятиями, хотя дополнялись и иными видами деятельности. Так, в Великодворской волости Холмогорского

уезда (одного из самых земледельческих в Архангельской губернии), помимо домашних и сельскохозяйственных работ, женщина должна была «помогать грузить карбаса камнем, ловить рыбу, заготавливать осенью ягоды и грибы на зиму».²²

В промысловом и отходническом типах природопользования (морское побережье, низовья рек) специфика женских работ в меньшей степени зависела от сельского хозяйства. По наблюдениям Е. Остроумова, в Кемском Поморье «работ, специально женских, мало, и те, какие есть, по большей части не требуют особенно большого напряжения сил. Полевых работ здесь нет, за отсутствием хлебопашества. Скот держат мало — невелики, значит, и сенокосы. Изготовление одежды не занимает у поморок много времени, т.к. домотканого в Поморье теперь уже ничего не носят, и, кроме того, много верхней и мужской одежды покупается поморами в готовом виде в Архангельске и на Мурмане».²³

Здесь женщины, помимо домашних и сельскохозяйственных работ, наряду с мужчинами занимались и промыслами. В. И. Немирович-Данченко, в частности, отмечал, что «ни в чем колянка не отстаёт от своего мужа и брата... [она] не только бьет акул, но правит кораблем не хуже помора, ходит на шхунах и в Норвегию, и в Архангельск... во время оно хаживала и на Грумант, т. е. Шпицберген, и не на пароходах или хороших шхунах, а просто на ладьях. Зимой она также ходит на своеобразную охоту».²⁴ Бесстрашие поморок нашло свое отражение и в формировании женских стереотипов промыслового поведения. Так, Ф. М. Истомина, описывая кемлян, характерной чертой которых он считал «необыкновенную ловкость и подвижность», а также «стоицизм и равнодушное отношение к опасностям» как следствие основного вида хозяйственной деятельности — лова семги «посредством заборов или изгородей в замечательно порожистой Кемии», зафиксировал следующий обычай кемлянских женщин-гребцов при поездке на карбасе в Соловки: «...как только выезжают из островов в открытое море, немедленно на-

¹⁷ Там же. № 5. С. 371, 375.

¹⁸ Там же. С. 372.

¹⁹ Подвысоцкий А. Словарь архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. С. 2.

²⁰ Энгельгардт А. П. Русский Север. Путевые записки. СПб., 1897. С. 30.

²¹ Немирович-Данченко В. И. Соловки. Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами. СПб., 1875. С. 5.

²² Рядчин А. Жизнь в Холмогорах и его уезде // ИАОИРС. 1911. № 8–9. С. 684.

²³ Остр[оумов] Е. Мужчина и женщина в Кемском Поморье // ИАОИРС. 1910. № 15. С. 26.

²⁴ Немирович-Данченко В. И. Между Белым морем и Северным Ледовитым океаном // Древняя и новая Россия. 1875. № 8. С. 334, 335.

чинают купаться, причем старшая из женщин, перепоясав длинным ремнем, придерживает девушку, смело и решительно бросающуюся в море прямо с борта; все гребцы, не раздеваясь, поочередно совершают это купание».²⁵

Особенности промыслового типа природопользования, основу которого составляли мурманские промыслы, сформировали особый тип и жительниц Колы. «Кола — бабья воля», — говорили на Мурмане. «Тамошние женки так умудрились и освоились, что любая удачлива в рыбачестве, нестрашима и ловка в управлении рулем и парусом на морских промыслах. Они отличаются большей энергией и самостоятельностью, чем удалые и всегда смелые поморки».²⁶

Хозяйственная самостоятельность женщин как отличительная черта промыслового типа природопользования послужила основой довольно высокого социального статуса севернорусской женщины. В. И. Немирович-Данченко замечает по этому поводу: «...принижение жены в деревнях отдаленного севера не существует вовсе. Женщина там полноправный гражданин, а за частым отсутствием мужа на промысле — и полновластный хозяин. Принижение женщин, рабство ее, нелепые сцены семейного самодурства существуют тут только в крайне испорченном классе городских мещан, да, пожалуй, в немногих пригородных селах, позаимствовавших свои обычаи у городского холопства».²⁷

Помимо половозрастного фактора, важную роль в формировании стереотипов поведения в традиционном природопользовании играли модернизационные процессы.

Модернизация традиционной культуры на Русском Севере была связана с формированием здесь (уже с середины XVI в.) «морской культуры» и «культуры морского порта», в первую очередь Архангельска. Еще в 1845 г., характеризуя «умственную образованность» Архангельской губернии, авторы «Описания Российской империи» отмечали: «Степени умственных образованностей жителей в Архангельской губернии разнообразны: около губернского города, в центре торговой деятельности нашего севера, народные понятия и шире, и чище, нежели в уездах Пинежском

и Мезенском, обитатели которых разбросаны на огромном пространстве, разделены дремучими лесами и непроходимыми болотами. Или, полудиким сынам полудикой природы, заботиться об усовершенствовании своих умственных способностей, когда край едва только дает скудные средства для удовлетворения необходимых физических потребностей!»²⁸

Любопытные формы «культуры морского порта» отмечены в Соломбале — подгородном островном селении (ныне — часть г. Архангельска), где находилась крупнейшая на Русском Севере судовой верфь, жили моряки и служащие порта. «Коммерческий дух», присутствующий, по мнению ряда исследователей, соломбальцам, побудил их не только к развитию неофициальной мелочной торговли с иностранными матросами, которые находили здесь «верный, хотя и невыгодный сбыт всему, что легко снять с себя, даже по возможности уподобиться в деле костюму праотцу, Адаму до его грехопадения», но и к созданию новых средств общения, одним из которых было так называемое «англо-соломбальское наречие». Вот как, например, соломбалка приглашала иностранца купить у нее сундук: «Асей, асей, смотрю: больше добра сундук, вервель скрипиль, гуть верстонь. Милек дринкомь?» («асей, асей, смотри, какой большой сундук с очень хорошим замком и хорошим ключом. Молока выпьешь?»).²⁹ По замечанию В. Верещагина, обращение к иностранцам «асей» произошло от английского выражения «I say» (послушай), обычно употребляемого английскими простолюдинами как у нас «слышь».³⁰

Еще одним модернизационным средством общения на Русском Севере был русско-норвежский язык-пиджин руссенорск, появившийся в конце XVIII в. как средство поддержания и развития торговых связей между русскими поморами-промышленниками и их североевропейскими соседями. Руссенорск представлял собой смесь норвежского и русского языков (примерно по 40%); остальные слова заимствованы из английского, голландского, нижне-немецкого, шведского и, возможно, саамского языков. Основу словарного запаса руссенорска

²⁵ Истомин Ф. М. О поездке в Архангельскую губернию летом 1884 г. Предварительный отчет // Изв. РГО. 1884. Т. 20. Вып. 5. С. 564.

²⁶ Максимов С. В. Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 183.

²⁷ Немирович-Данченко В. И. Соловки. С. 94, 95.

²⁸ Описание Российской Империи в историческом, географическом и статистическом отношениях. Т. 1, кн. 2: Архангельская губерния. СПб., 1845. С. 81.

²⁹ Прушакевич И. Соломбала зимой и летом // АГВ. 1867. № 85. С. 4.

³⁰ Верещагин В. Очерки Архангельской губернии. СПб., 1849. С. 405.

(около 390 слов) составляли названия обмениваемых товаров, числительные, слова, обозначающие пространственные понятия, и т. п. Интересно, что норвежский исследователь руссенорска Ингвиль Брок, изучая его словарный состав, пришел к выводу о том, что существенную часть торговых отношений между поморами и их северными соседями составляло чаепитие как стереотипная форма заключения торговых сделок (ср. выше описание торговой сделки с пустозерами).³¹

Особенно интенсивно модернизационные процессы происходили в конце XIX — начале XX в. и были связаны с отходничеством. Интересно, что сам факт активного развития отходничества как одной из ведущих отраслей хозяйства вследствие непродуктивности земледелия объяснялся населением именно исходя из высоких моральных и нравственных норм, присущих севернорусскому крестьянству. «Наш брат-архангелогородец — бродяга мужик, — говорил В. И. Немировичу-Данченко старик в одной из подгородных деревень Архангельска. — В Питере нашим архангелогородцем дорожат. Потому народ сильный, честный. У нас умный народ... Ну, известно, в Питере, коли ты архангельский, — тебе и честь. Даром что трескоедами ругают, а везде почет нашему брату делают».³²

Через «питерцев» и «московцев» влияние «городской» (отходнической) культуры проникло не только в уездные и торговые центры, но и в деревенскую глубинку. Путешественники конца XIX — начала XX в. не раз сетовали на то, что в это время уже не встречались женщины, носившие традиционные сарафаны. Вместо этого появились модницы, одевавшиеся в шелковые платья и платки, украшавшие себя золотом. «Городская» одежда в деревне придавала их обладателям совершенно иной, более высокий социальный статус — «питерцев», «московцев» — и часто использовалась не к месту и не по сезону. Например, К. Докучаев-Басков, ходивший летом 1914 г. на богомолье «от Каргополя до Александрo-Свирского монастыря и обратно», наблюдал в с. Вознесение Вытегорского уезда Олонецкой губернии такую картину: «На узеньком мостике, в узеньком же черном платье, на каблучках-шпильках какая-то фря в обществе двух баб чистит самовар...

».³³ Жительницы Кеми с удовольствием носили шляпки. Учитель М. Ломберг был поражен множеством шляпных магазинов в этом «обиженном судьбой» городке, расположенном «на самом краю земли», в котором к тому же не было «даже барышень, которыми так обилена любая русский город».³⁴ Мужчины также старались одеваться по-городскому. Носили костюм с пиджаком, а на голове — цилиндр. Им было приятно услышать о себе, что они «по немецкому стали наряжаться».³⁵ Чувство престижа и следование моде, требования которой, по словам В. И. Немировича-Данченко, «в деревне так же строги, как и в большом свете наших столиц», создавали новые стереотипы и мужского поведения. Так, путешественник наблюдал в подгородном архангельском селе Лавля молодых людей «в черных сюртуках и в калошах с дождевыми зонтиками в руках при совершенно сухой и ясной погоде».³⁶

Помимо внешней, так сказать, вещной сферы, отходничество с его «урбанизированной» культурой затронуло и более глубинные, морально-нравственные основы социального поведения населения. Фан-дер-Флит видел пагубное влияние отходничества на традиционную культуру русского населения Олонецкой губернии в том, что, уходя на заработки в столицу, олончане, «шатаясь по харчевням, научаются роскоши, развращают нравы и, принося с собою понятия вовсе несвойственные крестьянскому быту, становятся неуступчивы пред местным начальством, от чего возникают беспрерывные жалобы и дела».³⁷

Еще одной серьезной морально-нравственной проблемой, связанной с отходничеством, стало проникновение в деревню пьянства. «Теперь не редкость то, что молодые мужчины уходят на лето в города на заработки и приносят в деревню умение курить и больше пить. Поэтому же нынешние молодцы не так высоконравственны в своих помыслах, как их отцы и деды... Молодые безграмотные парни, попадая в столицы и другие большие города,

³³ Докучаев-Басков К. Путевые заметки. (От Каргополя до Александрo-Свирского монастыря и обратно) // ИАОИРС. 1914. № 5. С. 146.

³⁴ Ломберг М. Из воспоминаний о службе в Архангельской губернии // ИАОИРС. 1911. № 11. С. 890.

³⁵ Шабунин Н. А. Северный край и его жизнь. Путевые заметки и впечатления по северной части Архангельской губернии // Сб. Отд-ния русского языка и словесности. СПб., 1908. Т. 84, № 1. С. 8.

³⁶ Немирович-Данченко В. И. Соловки. С. 178.

³⁷ С. Л. Фан-дер-Флит об олончанах // ОГВ. 1902. № 22. С. 3.

³¹ См.: Брок И. Моя-по-твоя. Русско-норвежский язык-пиджин // Отгар: научно-популярный журнал Музея г. Трёмсе. 1992. № 192. С. 26.

³² Немирович-Данченко В. И. Соловки. С. 136.

очень скоро усваивают низость нашей культуры: пьянство, курение, разврат», — сокрушался один из корреспондентов архангельского Общества изучения Русского Севера (АОИРС).³⁸

Вопрос о пьянстве как особой форме социального поведения, как о некоем социокультурном феномене русской традиции — тема чрезвычайно емкая и многоплановая. Несомненным является то, что на определенном этапе пьянство стало, по выражению корреспондента АОИРСа, страшной затажной болезнью всей нашей необъятной России. Вот как он описывает этот тип поведения в Поморье: «Отборно ругаясь, горляня песни, с гармоникой в руках бродят они (пьяные промышленники — *И. Б.*) до поздней ночи... редкий праздник обходится без драки в кровь; нередко пьяные и побитые остаются ночевать во дворе, отмораживают себе руки, ноги, а то и вовсе замерзают».³⁹ Интересно, что этот тип социального поведения диктовал определенные нормы. По сообщению того же корреспондента, в Поморье, где «с пьянством сжились», где оно «проникло во все мельчайшие уголки жизни», эти нормы заключались в следующем: «выпил мало, так шатайся, падай, чтобы люди подумали, что выпил ты по-«настоящему»».⁴⁰ Как о двух формах социального поведения повествует автор очерка «Онежане» о развитии среди них пьянства вследствие «избытка денег», получаемых при сплаве и рубке леса, извозном промысле и пр.: «Онежанин трезвый и онежанин пьяный — два разные человека. Скромный, как красная девица, в трезвом виде, напившись пьяным, онежанин преобразовывается. В нем тогда проявляется безудержная русская удаль, и беда, если среди пьяных онежан затевается драка».⁴¹

В начале XX в. пьянство как тип поведения начинает внедряться в систему воспитания и усваиваться с достаточно раннего возраста: «Уже в 6–7 лет трезвые дети, подражая взрослым, обнявшись и пошатываясь, как пьяные, ходят по улицам и распевают:

Четвертная — мать родная,
Полуштоф — отец родной,
Половиночка — сестрица,
Спроводи меня домой!»⁴²

³⁸ Унин Л. На вечеринке. (В Каргопольском уезде) // ИАОИРС. 1911. № 2. С. 93.

³⁹ Александров А. Грамотность и пьянство в Поморье // ИАОИРС. 1911. № 8–9. С. 690–691.

⁴⁰ Там же. С. 693.

⁴¹ Калинин И. Указ. соч. С. 381.

⁴² «Половиночка» — 1/40 ведра (прим. автора — А. А.).

Показательно, что именно в пьянстве ряд авторов видит причину особенностей половозрастного состава населения Поморья, характеризовавшегося высокой мужской смертностью и преобладанием в силу этого женщин, которые доживали до весьма преклонного возраста 80–85 лет.⁴³

Думается, что описанный выше тип социального поведения является довольно поздним и связан в Поморье с отходом на заработки и знакомством с инокультурными «достижениями», в частности с широко распространившимся в конце XIX в. контрабандным норвежским ромом, который представлял собой, по словам корреспондента «Русского Вестника», «отвратительную жидкость, очень похожую на столярный лак».⁴⁴ Весьма любопытно замечание автора о различиях в поведении пьяных русских поморов, лопарей и финских и норвежских колонистов Мурмана. «Норвежцы напиваются до животного отупения, — пишет он, — финляндцы до дикости, лопари до потери сознания, а поморы и коляне до нежности».⁴⁵ Эта «нежность», например, становилась причиной драк, которые подчас возникали вследствие русской национальной гордости. Тот же автор рассказывает о драке поморов с норвежцами из-за того, что последние «стали утверждать, будто их король выше ростом и красивее, чем русский царь».⁴⁶

Безусловно, ритуальное опьянение как часть русской культуры — явление традиционное. Но, во-первых, основными алкоголесодержащими напитками были пиво, медовуха и брага, а во-вторых, опьянение как форма ритуального поведения было связано с особыми моментами, оформлявшими единство социосакрального бытия и связанными, например, с темой плодородия (*братчины, быкобои, ссытчины*, обряды семейного цикла и пр.) или культом предков (ритуальные трапезы). Характерно в этом отношении описание того же М. Ломберга пережитого им ужаса, когда в с. Колежме (Поморье) в зимний свадебный мясоед он встретил «толпу нарядных женщин, которые шли стеной, взявшись под руки», прямо на него. Женщины едва не снесли инспектора, поскольку были пьяны настолько, что выглядели страшно: «лица их мертвенно бледны, мутные глаза остановились». Такая нетипичная для традиционной

⁴³ Там же.

⁴⁴ А. П. Рыбачий полуостров. С. 35.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

культуры ситуация объяснялась тем, что местный обычай «требуется, чтобы гостя непременно выпила стакан (чайный) водки до дна, если желает молодым полного счастья». Нетипичность ситуации была прокомментирована случившимся при этой сцене онежанином следующим образом: «У нас за такие дела шкуру бы с них содрали».⁴⁷ Это, возможно, свидетельствует не столько о негативном отношении к женскому пьянству, сколько о локальных различиях в культурных стереотипах поведения. Подтверждением этому могут служить и наблюдения, сделанные К. Докучаевым-Басковым в с. Чурилове Вытегорского уезда Олонецкой губернии, где также был развит отход. «Особенно удивляет здесь, — пишет философ, — что бабы и девки пьют водку. — Не досыта, а так, немного, но куражу-то бывает порядочно! — пояснял один крестьянин».⁴⁸ Как на один из главных «пороков» своей паствы указывал на пьянство среди женщин, и даже среди юных девиц, священник Бугаевского прихода Печорского уезда И. Михайлов. «Для винопития крестьяне собираются компаниями в несколько человек и пьянствуют нередко по несколько суток подряд, — писал пастырь. — В небольших поселках в общих попойках иногда участвуют почти все жители поселка».⁴⁹

Другой отрицательной стороной «урбанизации», изменившей морально-этические нормы поведения населения и его стереотипы, большинство исследователей и путешественников считало «разврат» и «падение нравов девушек». Ситуация, связанная с понятием «девичьей чести», в русской крестьянской среде носила двойственный характер. С одной стороны, многочисленные материалы свидетельствуют о негативном отношении к добрачным связям.⁵⁰ С другой стороны, в частности, для Русского Севера вполне типичной была ситуация, описанная еще в середине XIX в. П. С. Ефименко: «Когда священник делает замечание касательного этого порока (распутства — *И. Б.*), крестьяне обыкновенно говорят: “Что же нам делать, бошка? Так искони у нас ведется; девка родит, сама и водится с ребенком”».⁵¹ Аналогичная си-

туация в отношении «девичьей чести» сложилась, по материалам С. В. Мартынова, в начале XX в. на Печоре. Автору «при опросе, например, о количестве детей приходилось получать такие ответы: “В девках было пять, да замужем трое”. И этот ответ дается при муже и при родителях, которые относятся к этому совершенно индифферентно».⁵²

Эта ситуация, не претерпевшая существенных изменений на протяжении, по меньшей мере, полувека, была связана, в частности, с особенностями хозяйственного освоения территории и со сложившимися в силу этого традиционными системами природопользования. Одной из характерных черт этих систем были отмеченные выше половозрастные особенности разделения труда и связанное с этим положение женщины, выразившееся, в частности, в ее относительной хозяйственной самостоятельности. «Свобода печорской девушки, — писал С. В. Мартынов, — очень значительна... И она сама, и все окружающие ее родные смотрят на нее не как на члена семьи, а как на лицо самостоятельное, временную неприятную гостью-дармоедку, которая может жить и поступать как угодно, поскольку это не нарушает общих интересов».⁵³

В ареалах, где земледелие играло более значительную роль в традиционном природопользовании, добрачные связи молодежи были достаточно редким явлением. «Беременность девушек, — писал в начале XX в. Л. Унин из земледельческого Каргопольского уезда Олонецкой губернии, — по-прежнему редкость и такой позор, которого боятся не меньше, чем “греха”».⁵⁴

Понятие «девичьей и женской чести» в промысловых и отходнических ареалах претерпело значительные изменения, что послужило причиной формирования иных стереотипов поведения. Так, по мнению В. И. Немировича-Данченко, экономическая самостоятельность колянок и «свобода нравов» находились в прямой причинно-следственной связи. «Колянка, не имеющая обожателя, — пишет путешественник, — называется “сиротою разнесчастной” и служит предметом общего посмеяния. Парень, не имеющий подруги, слывет за порченного.

⁴⁷ Ломберг М. Указ. соч. С. 887.

⁴⁸ Докучаев-Басков К. Указ. соч. № 3. С. 88.

⁴⁹ Михайлов И. Религиозно-нравственное состояние Бугаевского прихода. (Печорского уезда) // АЕВ. 1903. № 3. С. 86.

⁵⁰ См.: Громыко М. М. Мир русской деревни. С. 96, 97; Семенов Ю. Пережитки первобытных форм отношений полов в обычаях русских крестьян XIX — начала XX в. // Этнографическое обозрение. 1996. № 1. С. 32–48.

⁵¹ Ефименко П. С. Сборник народных юридических обычаев

Архангельской губернии. Кн. 1. Архангельск, 1869. (Тр. Архангельского стат. комитета за 1867 и 1868 г. Вып. 3). С. 28.

⁵² Мартынов С. В. Печорский край. Очерки природы и быта, население, культура, промышленность. СПб., 1905. С. 60.

⁵³ Там же. С. 59.

⁵⁴ Унин Л. Указ. соч. С. 93.

Всякого рода отношения между ними далеко не сдержанны. Колянка любит, когда любитя, нисколько не насилуя своих чувств».⁵⁵

Не менее свободным поведением отличались и жительницы г. Кеми. Во всяком случае, монахи Соловецкого монастыря, куда кемлянки перевозили на своих судах богомольцев, предпочитали сажать гребщиц под замок до выхода их в обратный путь во избежание «разврату» и «дурной славы» про святую обитель. Однако эти суровые меры не всегда оказывались действенными: «бесстыжие бабы» умудрялись сбегать через окно или просто выламывали дверь своей временной тюрьмы.⁵⁶

Помимо «экспорта» урбанизированных форм культурного поведения, отходничество способствовало формированию и собственных стереотипов поведения, которые, впрочем, имели глубокие традиционные корни. Так, в одном из микроареалов Онежского уезда с центром в с. Турчасово (верховья р. Онеги от с. Клещева до Бюрючева, всего около 64 км), где основу традиционного природопользования составлял, наряду с земледелием, развитой мужской отход на сплав леса (преимущественно в Вологодскую губ.), отходничество внесло определенные коррективы в социальные стереотипы поведения, регулировавшиеся, в частности, такими ценностными понятиями, как «долг» и «престиж». На заработанные на отходе деньги бурлак, помимо «справы» для себя («городской» костюм: суконная «тройка», часы и галоши) и подарков домочадцам, обязательно должен был привезти угощение для «общества», которое во время его отсутствия вынуждено было исполнять за него все соответствующие общественные

повинности. В начале XX в. одаривание осталось уже в виде раздачи пряников детям; тем не менее, его безусловная важность подчеркивалась общественной оценкой: если бурлак не оделял детей пряниками, то это был «скандал на всю округу. “Вот так бурлак”, — будут говорить злоязычные бабы. “Бурлачил, бурлачил, а на пряники и не зрбил!”».⁵⁷

Помимо общественной оценки труда отходника, соотносимой с понятием «долг», существовала и семейная оценка его деятельности, которую можно связать с понятием «престиж»: «Неудачник бурлак — пятно и для жениной и родительской чести... Жена и старики такого бурлака не встречают ласково и много-много придется ему, бедняге, выслушать за ночь различного рода “резонов”...». Для поддержания престижа семьи тайно продавалось сено и покупалась «справа» для бурлака, подарки для семьи и «непреренно хоть с полпуда пряников». Только после этого объявлялось о приезде неудачника-бурлака, запертого до времени в чулане от соседских глаз.⁵⁸

Таким образом, на Русском Севере социальные стереотипы поведения во многом были обусловлены сложившимися формами традиционного природопользования (земледельческие и промысловые) и связанными с ними локальными типами культур. Существенное влияние на традиционные формы хозяйства оказала урбанизация деревни вследствие развития культуры морского порта и капиталистических отношений в конце XIX — начале XX в., что привело и к деформации стереотипных форм поведения населения Русского Севера, и к появлению новых, модернизационных, типов социального поведения.

Ключевые слова: *идентичность, традиционное природопользование, региональные и локальные традиции, стереотипы поведения*

STEREOTYPE PATTERNS OF TRADITIONAL NATURAL RESOURCE USE OF THE RUSSIAN-NORTH PEASANTS (the end of the 19th — the beginning of the 20th century)

The article presents an analysis of ethnic behavior stereotypes preconditioned by the specifics of the natural resource potential of the territory and the types of subsistence economy on the material of the Russian North regions. The author particularly focused on the problem of evolution of the regional and the local types of traditional culture.

Irina N. Beloborodova

⁵⁵ Немирович-Данченко В. И. Между Белым морем и Северным Ледовитым океаном. С. 335.

⁵⁶ Он же. Соловки. С. 319, 320.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Гаревский П. Бурлаки-онежане (бытовой очерк) // ИАОИРС. 1913. № 2. С. 66, 67.